— Будь оно всё проклято…

Слова прозвучали как ругательство, хотя тон его оставался спокойным. Рикард Старк сидел под чардревом, положив на колени Лед. Привычным движением он провел ладонью по древнему валирийскому клинку, и это принесло ему если не успокоение, то хотя бы облегчение. После напряженного ужина, при котором Брандон избегал взглядов Лианны и Бенджена, лорд Старк нашел убежище в богороще.

Фэрчайлды отбыли из Винтерфелла предыдущим вечером, забрав с собой часть его семьи. За все подарки и золото, за всё, что мог получить дом Старков, если Охотник сдержит слово… это неравноценный обмен.

Брандон по-прежнему жив и оставался в Винтерфелле, но для него он потерян.

Вчерашняя паника улеглась, а вместе с ней улетучилась из Рикарда и благодарность. Странно, что он почти возненавидел человека, который не причинил ему зла, но стоял в центре несчастий. Рикард не был дураком: Брандон бросил вызов и оскорбил чужеземного лорда, а на поражение ответил ударом в спину. Как глава дома Старков, Рикард был благодарен Охотнику за смягчение удара, который пришёлся по его роду, но как отец… как отец, он всегда гордился своими детьми.

Сирил Фэрчайлд лишил его этого.

— Будь всё оно проклято. — Снова прошептал он.

Погрузившись в безрадостные думы, Рикард не заметил приближения Родрика, пока тень рыцаря не заслонила последние отблески закатного света.

Пропустив формальное приветствие, Родрик опустился рядом со своим лордом и откупорил флягу с вином. Аромат крепкого напитка наполнил сумеречный воздух. Рыцарь глотнул и передал Рикарду — таков был их ритуал со времен восстания, когда молодой лорд Старк ещё только учился отличать северных разбойников от опытных капитанов Золотых Мечей.

— Мне показалось, что вам не повредит. — Прозвучал знакомый грубоватый голос.

Рикард рассмеялся, несмотря на усталость и горечь.

— Неужто в старости меня стало так легко прочесть?

— Как бы сказать… вы точите валирийскую сталь, милорд.

Хранитель Севера пустым взглядом посмотрел сначала на покоящийся на ноге меч, затем на

руку, в которой держал точильный камень. Вместо ответа, он слегка недоумённо, вымученно улыбнулся. Выдохнув, Рикард отложил камень вместе с клинком и принял флягу с вином. Он пил, делая паузы только тогда, когда легкие просили воздуха, затем передавал Родрику, и так по кругу. Старые Боги ценят умеренность. Но сейчас на это всем было плевать.

Когда вино иссякло, Родрик достал вторую порцию, но Рикард отказался.

— Ты был прав, старый друг. Не стоило звать сюда Фэрчайлдов.

Хмурый взгляд Родрика выражал беспокойство.

— Ты не мог знать, что замыслил твой сын. И предугадать поступок Фэрчайлда тоже был не в силах.

«Но зато должен был знать, на что способен Брандон, и действовать на упреждение» — Эти слова Рикард не облёк в речь, оставив их в своём разуме. Вот только в разуме прозвучали они не его голосом, а голосом Лиары.

Северный лорд тяжело и глубоко вздохнул, собираясь с силами.

— Насколько всё плохо на самом деле?

Рыцарь расправил плечи.

— Могло быть и лучше, а могло и хуже. Пожалуй, должно было быть хуже. Весь замок знает, что ваш сын сделал что-то непорядочное в тренировочном дворе, но не может прийти к единому мнению, что именно. За это спасибо лорду Фэрчайлду — его появление за ужином заставило тех, кто не видел драки, поверить тем, кто видел. Путаницы стало больше, чем возмущения.

Рикард кивнул. После покушения на гостя, слуги вестимо сочли своего господина безумцем, когда тот повелел подать ужин как ни в чем не бывало. Он ещё долго не забудет их лиц, когда Сирил Фэрчайлд вошел в столовую залу Большого замка легкой походкой, с ясным взглядом и еще более заразительной улыбкой, чем раньше. Не забудет он и весёлых искорок в глазах леди Иветты, того, как радостно она хлопала, когда муж объявил о том, что Брандон теперь будет учиться в Мастерской.

Эта сцена была бы комична, не будь её подноготная столь мрачна́.

— Что ещё?

— Удалось выяснить кое-что новое об Охотнике. — Родрик едва не уронил новую флягу на

колени лорду. — Тот молодой парень, Доналл, прибежал ко мне с выпученными глазами, будто проиграл в кости Иным, и они пришли за долгом. Отдал мне золотую монету, мол, Фэрчайлд дал её в качестве извинений за меч, который во время «тренировки» взял Брандон. Охотник, дескать, хотел найти клинку замену, да не нашел ничего достаточно легкого в своём арсенале, поэтому остановился на монете. Мальчишка сказал, что ради любопытства попросил подержать проклятую трость Охотника, и что весит она как три-четыре полновесных меча, или два больших камня.

Прошло мгновение, прежде чем Лорд Винтерфелла не осмыслил прозвучавшие слова, а как осмыслил — хорошенько выпил. Два камня… Втрое тяжелее двуручного меча, а Охотник размахивал им, как тростинкой. Вероятно, Брандону было бы не лучше, если бы Сирил вышел на бой безоружным, но мысль о том, что Охотник ударил его сына боевой булавой, вновь разожгла гнев в груди Рикарда.

— Пусть Фейн даст ему золотого дракона.

Он не станет наказывать верных людей за проступки сына. Молодой оруженосец либо достаточно честен, чтобы отдать годовое жалованье золотом, либо достаточно умен, чтобы отдать иностранную монету, которую всё равно не смог бы потратить.

Дом Старков нуждается в таких людях.

Рикард перевел мысленный взор на Охотника, оценивая иноземного лорда, который стал предметом его гнева и благодарности. Сирил — ученый муж, изучавший язык и историю. Он посчитал Лювина старшим по званию, и, игнорируя собственный статус, проявлял к нему почтение. Также он воин, выживший в стране, наполненной ужасами. По словам Лювина, куда бы ни шли в тех землях люди, за ними по пятам следовали страдания. Запад оказался отнюдь не раем. Несомненно, там есть величие: города, превосходящие Королевскую Гавань, богатство, смиряющее Ланнистеров, и промышленность, затмевающая Арсенал Браавоса. Но не менее велики и их ужасы: Нечистокровные из Кейнхерста построили свой город на месте гробницы, населенной чудовищами. Рикард с трудом мог представить себе, какой крепостью должен быть город, чтобы каждую ночь без конца отражать осаду изнутри. Он также не хотел задумываться о том, какой враг мог заставить город призвать на помощь мужчин калибра Фэрчайлда.

Этот человек оставался загадкой, и чем больше Сирил Фэрчайлд твердил о своем скромном происхождении, тем сильнее Рикард убеждался в обратном. Он не подозревал Охотника в лжи. То, что он второй сын лорда средней руки, вероятнее всего, чистая правда. Вопрос в ином. Какие ещё титулы он скрывает? Или насколько на самом деле значим титул «Охотника»?

— Чего он добивается, Родрик? — Нарушил молчание вопрос лорда Старка. — Подарки, золото, знания… Фэрчайлд дал всё это и даже больше. Он забирает моего сына, но не в качестве заложника, а в качестве одолжения. Он явился в мой соляр и предложил хрусталь со стеклом в обмен на аренду земли, которую я охотно отдал бы за сохранение мира. — Так не бывает. Ни на Севере, ни на Юге, ни в Вестеросе, ни в Эссосе. Люди чести платят долги по клятве, платят за ошибки, платят за кровь. Остальные возвращают услугу за услугу и отдают долги с лихвой. Но

Сирил Фэрчайлд раз за разом подрывал устои мира, который, как думал Рикард, он знал. — Чего он добивается?

Родрик обдумал вопрос и забрал у своего господина вторую флягу, с которой тот так и не отпил.

— Я не доверяю этому человеку, и никогда не скрывал этого. Но он держал нас за яйца, нагнув над бочкой. — Едва ли не прорычал рыцарь, и Рикард не сомневался, что слово «нас», он сказал из вежливости. — Это был идеальный момент, чтобы унизить Север, но Фэрчайлд не воспользовался им. Сомневаюсь, что его вообще интересуют наши земли. Мне кажется, что он с удовольствием осел бы в библиотеке вместе с мейстером Лювином.

После небольшой паузы, он сменил тему:

— К слову, не уверен, что у вашего сына есть право решать, на ком жениться.

Лорд Старк криво усмехнулся.

— Это личное дело Брандона. — В голосе Рикарда зазвучали черствость, которую он уже не хотел скрывать, и раздражение, которого тоже больше не желал сдерживать. Наткнувшись на молчание вместо ожидаемого смеха, он повернулся и увидел на лице Родрика осуждение.

Его тут же осенило:

— Фейн и Лювин?

Рыцарь кивнул.

— Да, они решили, что у меня больше шансов пережить этот разговор. Чего-чего, а здравомыслия у них хоть отбавляй, чего не скажешь о храбрости.

— Вы хотите, чтобы я лишил Брандона наследства.

Рыцарь снова кивнул — жёстко и твердо.

http://tl.rulate.ru/book/91537/4259300